

сочинения, имели перед глазами одну и ту же картину и воспроизвели одни и те же основные ее детали.

Но если Шлихтинг написал свое «Сказание» в 1570 г., почти сразу вслед за событиями этого года, то наш автор писал несколькими годами позже. Его представление о больших казнях в Москве должны быть богаче, чем у Шлихтинга. Такие казни происходили в эти годы еще несколько раз, и в частности в 1573 г., когда на площади Кремля опять казнили «именитых людей», в том числе новгородского архиепископа Леонида.¹⁸ Эта казнь, как подчеркивает летописец, происходила в присутствии царя: «повелеша казнити на площади при себе боярина, князя Петра Куракина . . . и иных многих». Казнь совершалась отсечением голов, которые затем кидали по дворам многих знатных людей — князя Ивана Мстиславского, дьяка Андрея Щелкалова и др.¹⁹ Мертвые головы обретали на время самостоятельную судьбу и, хотя молчали физически, очень красноречиво говорили своим видом.

Наконец, последнее и наиболее важное для нас наблюдение об отражении в повести реальных событий начала 70-х годов. Казни 1570—1574 гг. были продолжением новгородских казней. Вместе с Висковатым и Фуниковым в 1570 г. казнили новгородцев, пригнанных ранее на следствие в Александровскую слободу: «А прочих новгородцев, опальных людей, повеле казнити на Москве».²⁰ Речь идет о новгородцах, последовавших за архиепископом Пименом. Не может быть сомнения в том, что за следующим новгородским владыкой, архиепископом Леонидом, на следствие и на плаху последовали и его земляки. Мы подчеркиваем это для того, чтобы напомнить, что именно в новгородском деле, в числе преследуемых, избиваемых и казненных Иваном Грозным оказались купцы. Еще до прибытия самого Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне «повелением государевым, во граде гостей и приказных людей государевых именитых и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставам держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи».²¹ Прибыв в Новгород, царь нагрянул на Торговую сторону. Вскоре царь «по всем торгам у торговых людей в лавках всякие товары повеле грабити, и лавки разсекати и до основания разоряти».²²

Известно, что после новгородского похода начался по Москве сыск всех, кто был связан с новгородскими изменниками. Купцы новгородские и купцы московские по самой сути своей деятельности, имели постоянные связи. Можно говорить не только о тесной связи отдельных лиц, но и вообще о связи новгородского купечества с московским. Безусловно, что не только в подозрительном воображении Грозного, но и на деле связи новгородского и московского купечества не всегда были чисто коммерческими. Таким образом, не может быть сомнения, что среди сотен жителей столицы, схваченных за их связи с новгородскими изменниками, не малую часть составляли московские купцы, жители московского посада.

Отражение в повести конфликта Грозного с купечеством также указывает на события начала 70-х годов как на ее реально-историческую основу.

В Переписной книге Посольского приказа 1626 г. изложено дело о казнях 1570 г. Этот источник содержит в основном те же данные, какие мы

¹⁸ Пискаревский летописец, стр. 81 и прим. 89.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПСРЛ, т. III. СПб., 1879, стр. 345.

²¹ Летописец новгородский церквам божьим: ПСРЛ, т. III, стр. 339.

²² А. Шлихтинг также сообщает о погроме купцов в Новгороде и о том, что среди казненных в Москве в 1570 г. были купцы (А. Шлихтинг, стр. 30).